

Gyula Décsy, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden 1965. 251 стр.

В распоряжении финно-угорских языковедов до самого последнего времени не было такого пособия, которое могло бы служить введением в науку о финно-угорских языках. Книги Йожефа Синней¹, в которых представлены весьма неполные данные по финно-угорскому сравнительному языкознанию, в значительной мере устарели и, кроме того, являются библиографической редкостью. В 1962 году вышел ценный труд Петера Хайдуду², в котором излагаются данные о финно-угорских народах, но сравнительно-историческое освещение языков этих народов занимает незначительное место. Недавно вышла книга Дёрдя Лако³, состоящая из краткого введения и фонетики. Эта книга, написанная на высоком научно-теоретическом уровне, является прекрасным пособием для студентов и аспирантов по сравнительно-исторической фонетике финно-угорских языков. Обзор финно-угорских народов дан также в работе Тойво Вуорела⁴, однако здесь изложены главным образом этнографические материалы и почти не содержится языковых данных.

Рецензируемая работа Д. Дечи отличается от вышеперечисленных: в ней даются в сжатой форме самые разнообразные сведения по финно-угорскому языкознанию, необходимые студентам и начинающим научным работникам, специализирующимся в данной отрасли науки. Труд Д. Дечи является пособием — как говорится в предисловии — прежде всего для людей, изучающих финно-угорскую лингвистику, а также для представителей смежных наук, которые хотели бы получить известную ориентацию в этой области науки.

Книга состоит из следующих разделов: I. Введение (стр. 1—6); II. Отдельные финно-угорские языки (стр. 7—151); III. От финно-угорского языка-основы к отдельным финно-угорским языкам (стр. 152—210); IV. Проблема прародины финно-угров (стр. 211—219) и V. О родстве финно-угорских языков с другими языками (стр. 220—230). Кроме того, имеются два приложения: этнонимы финно-угров и самодийцев (стр. 231—241) и параллельные тексты рассказа «Подарок села» на современных финно-угорских литературных языках (стр. 241—247).

Основными разделами книги являются второй и третий. Во втором разделе отдельно рассматривается каждый финно-угорский язык по следующему плану: количество говорящих на этом языке, их расселение (приводится карта места обитания), краткая история народа, памятники письменности, диалекты, литературный язык (письменность), краткие сведения из истории языка. Все эти данные базируются на самых достоверных источниках. Приводятся также сведения об исчезнувших языках (меря и мурома) и затрагивается вопрос о протобашкирах.

Очень интересным и оригинальным является третий раздел, в котором дается общая характеристика финно-угорского языка-основы (фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики) и прослеживается постепенное изменение языка-основы в процессе образования отдельных языковых групп, ветвей и, далее, в процессе формирования отдельных финно-угорских языков. Благодаря своей новизне (в других трудах мы нигде не находим такого обстоятельного освещения данного вопроса в отношении всех финно-угорских языков), этот раздел представляет исключительный интерес: в нем, по существу говоря, набросана схема исторической фонетики, грамматики и лексики каждого отдельного языка. В начале главы излагается также вопрос о распаде праязыка на группы, ветви и отдельные языки с указанием приближенной даты распада.

¹ J. Szinnyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig 1922; J. Szinnyei, Magyar Nyelvhasználat, Budapest 1927.

² P. Hajdú, Finnugor népek és nyelvek, Budapest 1962.

³ Gy. Lakó, A magyar nyelv finnugor alapjai, Budapest 1964.

⁴ T. Vuorela, Suomensukuiset kansat (=SKST 264), Helsinki 1960.

Ценными являются этимологии этнонимов (231—241), а также параллельные тексты (241—247) на 15 литературных языках финно-угорских народов с переводом на немецкий и русский языки, при этом тексты по восьми языкам даны советскими языковедами, носителями этих языков.

Д. Дечи излагает в своей книге, как правило, общепринятые воззрения на то или иное явление финно-угорского языкознания. Если же существует несколько мнений, то он приводит их, однако каждый раз четко и ясно выражает свое отношение к разным теориям, приводя соответствующие аргументы за или против взглядов отдельных исследователей вопроса. В этом — сильная сторона рецензируемой работы, являющейся пособием по введению в финно-угорскую лингвистику, цель которого — дать правильную ориентацию в нашей науке.

Поскольку в труде Д. Дечи затронуто чрезвычайно много разнообразных проблем, разрешением которых занимались многие десятки ученых, пришедших к разным (а иногда противоречивым) выводам, естественно, многие финно-угористы могут не во всем согласиться с автором данной книги. Так, например, у нас возникают возражения по следующим вопросам.

Д. Дечи для финно-угорского языка основы воспроизводит только шесть гласных звуков (*u, o, a, i, e, ä*) и ничего не говорит о долгих гласных фонемах праязыка (стр. 155). Между тем, как нам кажется, правы Э. Итконен и Д. Лако⁵, которые считают, что в языке-основе были долгие *ō, ū, ē, ī*, противостоявшие соответствующим кратким гласным. Различие между краткими и долгими гласными хорошо сохранилось в саамском и прибалтийско-финских языках (эст. *keele* 'язык', норв.-саам. *giellá*⁶, но эст. *vere* 'кровь', норв.-саам. *várrá*). Имеются определенные рефлексy в волжских и пермских языках, свидетельствующие о бы-

лом различии между долгими и краткими гласными⁷.

Угорские языки не сохранили праязыковое различие между долгими и краткими гласными (современные долгие гласные этих языков представляют собой новообразования). В пермских языках (как и в волжских) долгие гласные как особые фонемы не существуют, однако в них финно-угорские долгие гласные передаются одними звуками, а краткие — другими, таким образом, различия количественного порядка переоформились в различия качественного характера. Примеры:

финно-угорск. *o > общепермск. *u: коми *куш* 'орел', финск. *kotka*; коми *лун* 'день', финск. *louna*; коми *сюв-чӧж* (вид утки), финск. *sotka*; коми *ю* 'река', финск. *joki*; коми *ур* 'белка', финск. *orava*.⁸

Финно-угорск. *ō > общепермск. *õ: коми *нӧв*, коми-язьвинск. *nwl* 'стрела', финск. *nuoli*; коми *свӧм*, коми-язьвинск. *šum* 'чешуя', финск. *suomi*; коми *льӧм*, коми-язьвинск. *lum* 'черемуха', финск. *tuomi*; коми *вӧр*, коми-язьвинск. *vur* 'лес', финск. *vuori*.⁹

Финно-угорск. *e > общепермск. *ø *ɔ (общепермск. открытое и закрытое *o* развились из одного финно-угорского *e под влиянием гласного второго слога): коми верхнесысольск. *өл* 'жить', финск. *elää*; коми верхнесысольск. *рӧз* 'гнездо', финск. *pesä*; коми верхнесысольск. *ӧрз* 'отец матери', финск. *setä*; коми верхнесысольск. *дӧр* 'лезвие', финск. *terä*; коми верхнесысольск. *кӧр* 'шелуха', финск. *keri*; коми верхнесысольск. *кӧс* 'поясница', финск. *keski*; коми верхнесысольск. *сӧј* 'есть' финск. *syödä* (<**seve-*); коми верхнесысольск. *рӧп* 'собака', финск. *peni*.¹⁰

Финно-угорск. *ē > общепермск. *ü (> вишерск. и восточно-вычегодск. *ш*, остальные зырянские и пермяцкие диа-

⁷ E. Itkonen, Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen. — FUF XXIX 1946, стр. 267—269; его же, Zur Geschichte des Vokalismus, стр. 332—333.

⁸ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 218.

⁹ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 150.

¹⁰ Там же, стр. 114.

⁵ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermissschen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1954, стр. 332—333; Gy. Lakó, указ. раб., стр. 109—110.

⁶ В саамском языке (как и в финском — *kieli*) произошла дифтонгизация долгого гласного.

лекты и удм. *i*): коми *кыв* 'язык', финск. *kieli*; коми *мыквыд* 'разум', финск. *mieli*; коми *нылаваны* 'глотать', финск. *niellä*; коми *ныр* 'нос', саам. *nierrá*; удм. *лым* 'бульон', финск. *liemi*.¹¹

Кроме того, если предположить, что в финно-угорском праязыке существовало только шесть гласных, трудно объяснить происхождение такого изобилия гласных, которое реконструируется в языке-основе отдельных групп (ветвей) финно-угорских языков: в общемарийском языке предполагается 12 гласных фонем¹², общепермском — 14¹³, общехантыйском — 15¹⁴, общемансийском — 15¹⁵.

В рецензируемой книге коми *ö* считается нелабиализованным гласным, а удмуртское *ö* — слегка лабиализованным (стр. 186). Между тем дело обстоит несколько иначе: этот звук в коми-зырянском и некоторых коми-зырянских (вишерском и восточно-вычегодском) диалектах, а также в юго-западных диалектах удмуртского языка (распространенных в основном в Татарской АССР) является среднерядным слегка лабиализованным гласным *ö*, в остальных же диалектах пермских языков (а равно и в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском литературных языках) данный гласный звук — нелабиализованный *e*. Мы предполагаем, что он был лабиализованным также в общепермском языке.¹⁶

Л. Дечи отрицательно относится к гипотезе генетического родства финно-угорских (уральских) и индоевропейских языков (стр. 230). Известно, что по данному вопросу высказывался целый ряд компаративистов, среди них как сторонники (Андерсон, Свит, Педерсен, Виклунд, Мункачи, Хир, Шрадер, Скельд, Коллиндер, Э. Итконен и др.), так и противники (Буденц, Й. Шмидт, Хайду и др.) указанной гипотезы. Д. Дечи, как и неко-

торые другие исследователи, не считает возможным свести индоевропейские и уральские языки к более древнему языку-основе и общие лексические и формальные элементы этих двух языковых групп объясняет случайными совпадениями. Мы согласны с Д. Дечи, что в данной теории много неясного и спорного, что многое в этой области может быть объяснено случайными совпадениями. Однако совпадение свыше десяти финно-угорских (уральских) и индоевропейских местоименных корней едва ли можно считать случайным. Известно, что в пользу генетического родства индоевропейских и финно-угорских (уральских) языков недавно высказывался видный финно-угровед Э. Итконен.¹⁷

Д. Дечи пишет, что в эрзя-мордовском языке употребляется шесть наклонений, а у мокша-мордовского глагола их только три (стр. 100). Автором не названо седьмое наклонение, условно-сослагательное (признак *deřavli*).¹⁸ Следует еще отметить, что в мокшанском, как и в эрзянском, употребляется семь наклонений, а не три.

Автор пишет, что эрзянский язык не знает открытого *ä* (стр. 99). В литературном эрзянском данная фонема действительно отсутствует, но в диалектах она довольно распространена.

Автор правильно отметил расхождения в окончаниях дательного падежа между эрзянским и мокшанским языками (стр. 100). На наш взгляд, очень существенным является и то, что в мокшанском языке имеется причинный падеж, которого нет в эрзянском.

На стр. 161 Д. Дечи пишет, что, вероятно, слово, выражающее обладаемое, в языке-основе еще не оформлялось лично-притяжательными окончаниями, но на стр. 158 он перечисляет лично-притяжательные окончания, выражавшие лицо и число обладателя, а на стр. 160 — снова упоминает о наличии в языке-основе лично-притяжательных окончаний (в связи

¹¹ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus, стр. 301.

¹² Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1964, стр. 82.

¹³ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 228.

¹⁴ W. Steinitz, Geschichte des ostjakischen Vokalismus, Berlin 1950, стр. 2.

¹⁵ W. Steinitz, Geschichte des wogulischen Vokalismus, Berlin 1955, стр. 154.

¹⁶ В. М. Лыткин, указ. раб., стр. 117—124.

¹⁷ E. Itkonen, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 191.

¹⁸ Д. В. Бубрих, Эрзя-мордовская грамматика-минимум, Саранск 1947, стр. 27—30; Грамматика мордовских языков, ч. I, Саранск 1962.

с тем, что эти окончания, по мнению автора, выражали также и определенность).

Весьма любопытно предположение Д. Дечи о том, что различие определенности-неопределенности имен относилось к важнейшим синтаксическим принципам языка-основы (стр. 160). Из рефлексов данного принципа автор перечисляет только использование форм объектного спряжения в угорских языках, а также противопоставление полного частичному при помощи некоторых падежей в прибалтийско-финских языках. Нам хотелось бы напомнить, что противопоставление форм объектного и безобъектного спряжений в мордовских языках основано также на различии неопределенного и определенного, частичного и полного. Мордовское указательное склонение, далее специфическое «артиклевое» использование лично-притяжательных окончаний в пермских и марийском языках построены на принципе противопоставления определенного — неопределенного. И все же, как нам кажется, подобное разнообразие средств выражения определенности — неопределенности указывает на то, что данная категория в языке-основе существовала только в виде тенденции.

Отдельные мелкие неточности или упущения в работе Д. Дечи объясняются, по-видимому, и тем, что не все советские издания были ему доступны. Так, по мнению автора (стр. 43), по карельскому языку до XVII века мы располагаем только географическими названиями и личными именами, встречающимися в русских грамотах. Однако некоторые берестяные грамоты, найденные при раскопках древнего Новгорода, уже содержат отдельные выражения, небольшие связанные тексты. Так, Ю. С. Елисеевым (Москва) расшифровано заклинание (начало XIII в.), состоящее из трех строк.¹⁹ Д. Дечи первым памятником мордовских языков, по-видимому, считает словарь Палласа (стр. 101), хотя до этого памятника был составлен голландско-мордов-

ский словарь Н. Витсена (конец XVII в.), содержащий 325 голландских слов с переводами на мордовский язык. Указанный словарь обработан А. П. Феоктистовым (Москва).²⁰ Им же взяты на учет (и частично обработаны) и другие памятники мордовских языков, хранящиеся в советских архивах.

Естественно, что автор не может быть в курсе всех событий научной жизни советских уралистов, в особенности, если об этих событиях еще не было сообщено в печати. Так, Д. Дечи не может знать (стр. 224), что нганасанский и энецкий языки интенсивно изучаются Н. М. Терещенко (Ленинград). За последние годы она несколько раз ездила в экспедиции к нганасанам и энцам, и результаты исследования в виде очерков будут напечатаны в III томе коллективного труда «Языки народов СССР». Мордовский язык в Саранске изучается не только в педагогическом институте, но и в университете. Вообще же в настоящее время финно-угорские языки изучаются в четырнадцати советских высших учебных заведениях.

Работа Д. Дечи появилась своевременно. Финно-угроведение давно нуждается в подобном обобщающем труде, который мог бы служить справочником для специалистов, а также пособием для высших учебных заведений. Работа выполнена добросовестно, на высоком научном уровне и свидетельствует о том, что ее автор хорошо знает как свой материал, так и специальную литературу по затронутым вопросам. Как отмечалось выше, особого внимания заслуживает третья глава «От финно-угорского языка-основы к отдельным финно-угорским языкам». Сжатое, но очень умелое изложение основных особенностей языков, относящихся к отдельным ветвям финно-угорских языков и отличающих эти языки от языков других ветвей и от языка-основы, дает ясное представление о месте каждого языка и каждой ветви в группе финно-угорской языковой семьи.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ, В. И. ЛЫТКИН
(Москва)

¹⁹ Ю. С. Елисеев, Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков. — Известия Отделения литературы и языка АН СССР, т. XVIII, вып. 1, 1959, стр. 65—72.

²⁰ A. Feoktistov, *Esimene mordva sõnastik*. — ESA V 1959, стр. 268—287.